70 лет Великой Победы

Тамара ПАВЛЕНКО

СОСЕД
Рассказ

В восьмидесятом году прошлого века (уже прошлого!) переехала наша семья на новую квартиру, в подъездный дом. Познакомились с соседями по лестничной площадке – сначала с хозяйкой, красивой, пышноволосой русской женщиной, затем увидели детей восточной внешности – подростка и юношу, студента. А потом узнали и главу семьи. Казах, небольшого роста, сухонький, лёгкий, выглядел он моложе своих лет, только лицо было необычным – правая половина словно вмята внутрь навсегда запечатлённым ударом нечеловеческой силы. Правый, ослепший глаз поблескивал, как перламутровая пуговица. Зато левый, здоровый, смотрел остро, умно и проницательно. Работал он у нефтяников, звали его по-русски – Андрей Михайлович, и нам он так представился, мол, я привык, и вам легче запомнить.

9 мая впервые увидели мы его в парадном костюме с орденами и ахнули! Боже ж ты мой, сколько там было наград, сколько боевых орденов! Вот уж верно люди называют – иконостас! Он был доволен произведённым эффектом, посмеивался: «Вот, навоевал себе цацек!»

Шли дни, и годы летели. Были между нами и добрососедские слова: «Здравствуйте – добрый день», и взаимовыручка по мелочам – то хлеба кто-то забыл купить, то, оказывается, лук кончился. Слово за слово, узнавали друг о друге всё больше. Жена его, великая труженица, добытчица, копейку умела заработать и сберечь, что в руки ей попадало – между пальцев не просачивалось – всё в дом, всё в дом! Но с характером женщина – палец в рот не клади! Палец я ей в рот не клала, достатку её не завидовала, так что никаких причин для размолвок у нас не было.

Помню, как заболела она и с самым страшным диагнозом уехала в Москву. Андрей Михайлович пришёл к нам, сел, раскачивался на стуле и плакал. Чтобы как-то отвлечь его, стала я говорить об ошибках в диагнозах и убеждала, что всё обойдётся, что жена у него по природе здоровая и красивая. Он заулыбался и гордо сказал: «На самой красивой девке в городе женился. Подавальщицей у нас в студенческой столовой работала, косы – во! В руку толщиной, до пояса! И хоть я тогда на костылях ещё ходил, всё равно за меня замуж вышла!» Да, тревожился он о ней, переживал сильно, а отношения между ними сложные были, соседи ведь много чего через стенку слышат. Курил наш сосед беспрестанно и, мягко выра-

жаясь, выпить любил. Видно, приохотили его к зелью сто граммов наркомовских, которые выдавали на фронте для снятия стресса. Многие ветераны с войны эту привычку принесли. И язык не поворачивается осудить их за эту психологическую реабилитацию по-русски. Переживи-ка это благополучно – почти каждый день тебя убивают и ты убиваешь. Вот и пили, чтоб с ума не сойти. А кто живой остался – никогда войну забыть не сможет. Сказал наш сосед эти слова о жене, и тут его как прорвало, стал рассказывать свою жизнь: кто он такой и откуда.

Был он из богатого, знатного казахского рода. Дед с бабкой владели стадами и пастбищами. После революции у семьи имущество и скот отобрали, а потом сослали всех на Соловки. И он там, ребёнком, был. А потом его как-то на родину переправили, и дальние родственники к себе взяли. Учился он в школе хорошо. Десятый класс окончил – война началась. Добровольцем на фронт пошёл. Я спросила: «Зачем же вы пошли добровольцем, в 17 лет, ребёнок ещё, ведь в армию брали с восемнадцати! У вас же год был в запасе». А он говорит: «Так пришли из военкомата, собрали всех ребят в классе, велели вырвать по листку из школьной тетради, помню, у меня листок был в клеточку. И продиктовали: «Прошу направить меня на фронт». Какая разница – добровольно, не добровольно, всё равно заберут...»

* * *

Направили его в танковое училище, и осенью 1941 года уже младшим лейтенантом попал он под Москву. Какие там были бои, все знают. Почти все ребята, с которыми училище окончил, погибли. Он же успел из подбитого танка выбраться, но в госпиталь не пошёл – в медсанбате мазь от ожогов дали – заживёт! Пополнение пришло из Сибири – молодые мужики, матёрые, крепкие! Танки новые получили. И его в это подразделение зачислили.

Он вспоминал: «Вот лежим мы вечером в избе, в темноте. И ребята про баб рассказывают. А я, молоденький, не целовался ещё ни с кем, слушать мне и стыдно, и страх как интересно. Я знал, что меня скоро убьют. И не мыслил в живых остаться, ведь какие ребята, не мне чета – красавцы, умницы полегли, а меня судьба разве пощадит? Да не бывать этому никогда. И тогда я взмолился, Богу, Аллаху, не знаю, кто там наверху: «Создатель наш, Всевышний, я знаю, что погибну, такая война – мне не уцелеть. Прошу тебя, не дай мне умереть до тех пор, пока не узнаю, что такое женщина!» Но после боёв почти во всех деревнях одни трубы печные остались торчать. Однако же нашлась молодайка одна, пожалела меня, научила. Я её до сих пор помню, первую свою... Вот живым остался. Наверное, Аллах развеселился, что я так мало просил – поберёг меня.

Воевать я научился. Всякое было... Из горящего танка выскочил и под пули попал. Ранило меня, но после госпиталя – опять на фронт. Однажды в танковую атаку шли. Мы на Т-34, а немцы на «Тиграх» нам навстречу. Танк мой первый идёт. За мной другие. И с той стороны один прёт прямо на меня. У «Тигра» броня была лобовая, мощная, наша 76-миллиметровая пушка её пробить не могла. Этого «Тигра» только сбоку можно было достать. Так и идём оба, никто первым не стреляет, прямо психическая атака, того гляди, на таран пойдём. Никто отвернуть не хочет. Я в поту весь, мокрый. Думаю, а вот, хрен тебе, не отверну! И ребята мои, водитель Володька, русский, и стрелок, Ванька, грузин, Вано то есть, меня понимают, и мы, втроём, как один человек. И что ты думаешь, соседка, он

первый дрогнул, выстрелил, промазал, потом отвернул, подставился, и мы ему в гусеницу жахнули! Закрутился «Тигр», завертелся, немцы выскочили, побежали. Ну, нам уже не до них. Вперёд!

После боя отдыхали мы, смотрю, пленных немцев-танкистов ведут. Остановилась колонна. А тут знакомый переводчик из штаба идёт. Я его попросил, чтоб узнал у немцев, кто командир первого танка. Если, конечно, в живых остался. Переводчик спрашивает: «Зачем тебе?» Да хочу посмотреть на такого же отчаюгу, как я. Подошли мы к немцам. Переводчик по-немецки поговорил. И вот выходит из толпы маленький, худенький, вроде меня, только белобрысый. Я счастливый был, разгорячённый, взял да и подал ему руку. И когда он свою в ответ протянул, я её пожал. Переводчик наш побелел, губы затряслись, схватил меня и тащит в сторону. Ты, что, говорит, в штрафбат захотел, а ну как особист увидит, или кто на тебя донесёт?! Ну, может, кто и видел, да никто не донёс. Я рад, что руку ему пожал. Тоже ведь не в тылу сидел, парень, паёк даром жрал – на передовой сражался!»

– А где вас так сильно ранило? – спросила я.

– А, это... – Он рукой легонько коснулся изуродованной щеки. – Это уже после войны!

– Как после войны?!

– Так. В Чехословакии... если бы ты видела, соседка, как нас встречали 9 мая в Праге! Девушки кидались целоваться, вином нас поили. Люди пели, танцевали!

Сосед некоторое время молчал и улыбался своим воспоминаниям.

– Что же было потом? – напомнила я.

– Назначили меня на Парад Победы в Москве. Я уж совсем размечтался Москву повидать... А тут эсэсовская дивизия ночью прорвалась из окружения. Не признали капитуляцию, а может, американцам хотели сдаться. Мы спали. Наверное, и часовые расслабились. Хотя всё равно, никто не успел бы... Только и смогли во время той атаки в темноте бежать кто куда, спасаться под шквальным огнём. Вот тогда меня ранило в голову и в ноги. Пришлось вместо Парада несколько месяцев проваляться в госпитале.

* * *

После этого разговора мы с мужем стали смотреть на нашего соседа как-то по-другому. Жена его вернулась из Москвы, с диагнозом всё обошлось. Стали жить дальше. Андрей Михайлович был уже на пенсии. Льготами своими ветеранскими пользовался, конечно. Если и забывал о них, то жена никакого случая не упускала. Ну, что ж, он имел на это полное право.

Нам с мужем несколько лет не удавалось купить спальный гарнитур – залог семейного счастья, вернее, счастье было, а гарнитура, увы, не было. Стояли мы во всяких нескончаемых очередях. Спешили к открытию магазина, вроде бы должны завезти... Но всё как-то мимо и мимо. Однажды после очередной неудачи, грустные и усталые, мы сидели на скамеечке у подъезда. Вышел сосед, рядом присел. В тапках на босу ногу, в майке – по-домашнему. Жара... Посмотрел на нас внимательно: «Чего, соседи, грустные?» Мы рассказали. Он молча повернулся. Поднялся в свою квартиру, а через пятнадцать минут вышел в своём парадном пиджаке с орденами, с ветеранской книжкой в руке: «Вперёд, ребята, за мной!»

Румынский гарнитур обмывали вместе, коньяком. Хороший гарнитур, красивый. До сих пор стоит.

Мы тоже старались помочь нашим соседям в разных сложных для них жизненных ситуациях. Так и соседствовали...

А потом началась перестройка. И нужно было перестраиваться, а не знали как. Смутное время, страшные слухи, уклончивые взгляды... Русские уезжали. На душе было нехорошо, тошно было. И вот однажды мы услышали за входной дверью страшный шум, какой-то грохот и отборный русский мат. Выскочили на площадку. А там наш сосед, петухом наскакивает на высокого, плотного сложения мужчину, кроет его на все корки по-казахски, по-русски, толкает и в физиономию норовит врезать, только не достаёт. Тот отмахивался сначала, защищался. А потом побежал вниз по лестнице.

– В чём дело, Андрей Михайлович?! – спросили мы.

– Да вот, – говорит сосед, – пришёл в гости родственник, сели выпить-закусить, всё вроде по-хорошему. А он по пьяни давай русских ругать. Тут я не выдержал. Говорю, ты русских не тронь! Я с ними вместе воевал. Они меня прикрывали, и я их прикрывал, кровью мы своей и чужой повязаны. Всего двадцать один годок мне был, когда я после госпиталя в незнакомом городе с поезда сошёл, на костылях стою, не знаю, куда идти и что мне в этой мирной жизни делать в толк не возьму. Тогда подошёл ко мне незнакомый мужик, пожилой, русский, дежурный на этой станции, и спросил: «Тебе некуда идти? Пойдём ко мне, сынок!» Привёл меня домой, расспросил, кто я, да что я, и посоветовал мне идти в институт учиться. Я месяц у него жил, пока в общежитие не устроился.

Он был взъерошенный, возбуждённый. Единственный глаз его смотрел молодо, по-боевому, по-орлиному. И вдруг этот глаз озорно подмигнул мне: «Не боись, соседка, отобьёмся!» Не могу сказать, что мы из-за этого не уехали. Но эта пылинка на свою чашу весов легла.

Андрей Михайлович ушёл из жизни двенадцать лет назад. Он был какой-то подлинный, никогда не притворялся лучшим, чем был, вспыльчивый, грешный человек. А кто святой?.. О характере его может рассказать ещё одна деталь. С лёгкими у него были серьёзные проблемы. Он решил однажды: «Всё. Бросаю курить!» – и загасил последний окурок. Больше не закурил ни разу, и это после более чем полувекового курения. Ни его жены, ни его сыновей тоже уже нет в живых. И это совсем другая, невесёлая история. Каждый раз, навещая могилу моей матери, мы проезжаем мимо оградки, за которой лежат соседи. Иногда мы останавливаемся. Постоим молча, помянем их. Царство небесное, вечный покой...